

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-398-416>
<https://elibrary.ru/ITFMDW>

Научная статья / Research Article
УДК 82.091 + 82-94 + 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. М.С. Федосеева (Ақимова)

Усадебный нон-фикшн: феномен усадьбы в музейной мемуаристике¹

Аннотация. Музейная мемуаристика представляет собой интересный, но малоисследованный пласт текстов. В статье на примере Пушкинского заповедника, Болдина, Поленова, Карабихи, Ясной Поляны, Муранова, Дунина рассматривается феномен литературы нон-фикшн, связанной с музеефицированным пространством усадьбы: характерные сюжеты, особенности поэтики и т. д. Исследование музейной мемуаристики XX в. позволяет говорить о том, что, за рядом исключений, обусловленных новыми историческими реалиями, усадьба-музей как одна из жизнеспособных модификаций «усадебного топоса» в XX в. наследует его конститутивные особенности. Классический «усадебный» и «музейно-усадебный» топосы определяются такими свойствами, как устойчивость, преемственность, стремление к сохранению материального и нематериального наследия, относительно постоянным составом обитателей, объединенных в социокультурное сообщество особой системой ценностей и определенными моделями поведения («усадебный габитус»), и др. Кроме того, в музейной мемуаристике, как правило, воспринимающей музеефицированное усадебное пространство в идилическом / элегическом ключе, есть место и негативной рецепции, что также наследует структуре классического «усадебного топоса».

Ключевые слова: музей-усадьба, музей, усадьба, «усадебный топос», «усадебный габитус», литература нон-фикшн, мемуары.

Информация об авторе: Мария Сергеевна Федосеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

Для цитирования: Федосеева М.С. Усадебный нон-фикшн: феномен усадьбы в музейной мемуаристике // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 398–416. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-398-416>

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

*Estate Non-Fiction:
the Phenomenon of the Estate in Museum Memoiristics²*

Abstract: Museum memoiristics is an interesting but little-explored layer of texts. Using the example of the Pushkin Nature Reserve, Boldino, Polenovo, Karabikha, Yasnaya Polyana, Muranovo, Dunino, the article considered the phenomenon of non-fiction literature associated with the museum space of the estate: typical plots, features of poetics, etc. The study of museum memoiristics of the 20th century allows us to say that, with a number of exceptions due to new historical realities, the estate-museum as one of the viable modifications of the “estate topos” in the 20th century inherits its constitutive features. The classical “estate” and “museum-estate” toposes are determined by such properties as stability, continuity, the desire to preserve material and intangible heritage, a relatively permanent composition of inhabitants united in a socio-cultural community by a special system of values and certain behavioral models (“estate habitus”), etc. In addition, in museum memoiristics, which, as a rule, perceives the museified estate space in an idyllic/elegiac way, there is also a place for negative reception, which also inherits the structure of the classical “estate topos”.

Keywords: Museum-estate, Museum, Estate, “Estate Topos”, “Estate Habitus”, Non-fiction Literature, Memoirs.

Information about the author: Maria S. Fedoseeva — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

For citation: Fedoseeva, M.S. “Estate Non-fiction: the Phenomenon of the Estate in Museum Memoiristics”. *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 398–416. (Series: “Russian Estate in a Global Context”, issue 8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-398-416>

В последние десятилетия сохраняется устойчивый читательский и исследовательский интерес к литературе нон-фикшн, который позволяет прояснять и уточнять историко-культурную картину эпохи, открывает новые, с разных позиций перспективные для изучения темы. К таким объектам исследования следует отнести и музейную мемуаристику.

---

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Целостное исследование данного пласта текстов на сегодняшний день осложнено значительным объемом разрозненного материала. Музейная мемуаристика неоднородна. Она представлена как текстами сотрудников музеев-усадёб (взгляд «изнутри»), так и текстами посетителей (взгляд «извне»). Различие между ними требует отдельного исследования, это различие не раз было отмечено мемуаристами:

...была внешняя сторона жизни музея, доступная любому наблюдателю, а была внутренняя — практически неизвестная³;

...о музее В.Д. Поленова и о местах, окружающих его, написано очень много, но написано, как правило, людьми заезжими, у которых не всегда хватало терпения узнать эти места получше, и поэтому во многих писаниях так много скороговорки и так много общих мест. <...> нужно родиться и вырасти в каком-то краю, чтобы досконально узнать его историю и все скрытое от постороннего глаза⁴.

Кроме того, временные границы музейной мемуаристики, сложившейся вокруг той или иной усадьбы, могут не совпадать с периодом существования усадьбы в статусе музея. Например, пушкинские места Псковщины стали «местом поклонения»⁵ и паломничества и получили неофициальный статус «музейного уголка»⁶ еще до организации музея в 1922 г.; по воспоминаниям дочери Г.Г. Шпета М.Г. Шторх (1916–2017), жившей в Поленове летом 1927 и 1928 гг.,

...жильцам сдавали третий этаж Большого дома и половину второго этажа. А первый и второй уже тогда были музейными. Музей был создан еще в конце девятнадцатого века самим художником, но только он шел как частный. И в наше время не был официальным — ни билетов, ни сторожей, ни часов работы. Но приезжали чужие люди, просили — пожалуйста! И публику пускали. При мне всегда водил

³ Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. М.: Профиздат, 2009. С. 249.

⁴ Казаков Ю.П. Ф. Поленов и его рассказы // Поленов Ф.Д. Долина Любосны. Рассказы о поленовских местах. Тула: Приокское книжное изд-во, 1968. С. 6–7.

⁵ Тимофеева-Починковская В.В. Среди памятников былых вдохновений (Письмо из Михайловского) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 119.

⁶ Гаррис М.А. Уголок Пушкина // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 85.

экскурсии сын Поленова, дядя Митя. <...> нам не воспрещалось заходить в любую музейную комнату. Но только было сказано: «Ничего не трогать руками!»⁷

«Народная музеефикация» дома М.М. Пришвина в Дунине также произошла ранее официальной: практически сразу после кончины Пришвина (1873–1954) здесь был организован музей на общественных началах, и лишь после смерти В.Д. Пришвиной (1899–1979), по ее завещанию, дом перешел государству и стал отделом Государственного литературного музея. Таким образом, тексты этого «немuseumного» периода или об этом периоде следует также отнести к музейной мемуаристике.

К написанию мемуаров авторов побуждало, как правило, осознание необходимости и желание задокументировать те или иные обстоятельства или собственные впечатления. Часто объектом воспоминаний становился переломный период в истории усадьбы — борьба за ее сохранение, становление и открытие музея⁸, «стресс реконструкции и реставрации»⁹, военные действия; кражи; праздники, пребывание интересных людей (актеров, космонавтов, политиков, писателей и проч.). Однако иногда в фокусе внимания оказывается история повседневности музеефицированного усадебного пространства, простые сюжеты о людях и вещах музейно-усадебного «закулисья», например о сотрудниках («чернорабочих культуры»¹⁰), о вечерах после закрытия музея, когда «музей словно сбрасывает невидимые покровы и превращается в дом»¹¹. Искусствовед А.Н. Свириин вспоминает «незабываемый момент» «встречи» с усадьбой: «когда разошлись посетители, <...> в кабинете Боратынского и Тютчева <...> какое-то особенное чувство охватило меня, я почувствовал, как будто сижу в гостях у Николая Ивановича [Тютчева] еще до революционной бури, а Николай Иванович, как любезный хозяин, принимает меня в своем кабинете»¹².

⁷ Якович Е.Л. Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович. Полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 98.

⁸ См.: Пигарев Н.В. Дом и музей // Памятники Отечества: Мураново. 2003. № 58. С. 130–139.

⁹ Будаев И.Т. Как рождается пушкинский музей (Из опыта воссоздания музея в Тригорском) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 317.

¹⁰ Будаев И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 165.

¹¹ Там же. С. 186.

¹² Свириин А.Н. Люди, вещи, природа. Мои воспоминания // Памятники Отечества: Мураново. № 58. С. 151.

Но общим местом воспоминаний является осмысление усадеб как особого пространства, в котором люди, природа, вещи ведут себя по-особому, находясь в особых взаимоотношениях. Это ощущение может по-разному определяться: «энергетика, биополя и аура святых мест»¹³, «дух» и т. п. Пытаясь объяснить этот феномен, хранитель Тригорского И.Т. Будылин вспоминает слова Н.П. Анциферова:

Слова *на том самом месте* имеют какую-то особую власть над сознанием. Словно *место*, озаменованное памятным событием, побеждает *время*. Когда находишься на нем — размыкается цепь времени и яркой искрой вспыхивают переживания угаснувшего былого¹⁴.

Частью особой атмосферы музея-усадьбы является ощущение «незримого присутствия»¹⁵ «хозяина», «гения места». Любопытны воспоминания Г.П. Вишневецкой о почти мистическом резонировании с *genius loci*, которое произошло во время вечерней экскурсии по дому-музею. Сильнейшее впечатление произвел на всех эпизод игры Б. Бриттена в полумраке при свечах, когда во время исполнения вступления к последнему номеру «Бессонницы» на слова А.С. Пушкина («Мне не спится, нет огня; / Всюду мрак и сон докучный. / Ход часов лишь однозвучный / Раздается близ меня...»), написанного им как равномерный ход часов, «с улицы стали бить полночь пушкинские часы, и точно в том же темпе вместе с Беном пробили двенадцать ударов. Мы все замерли, у меня остановилось дыхание и зашевелились на голове волосы... А прямо на Бриттена смотрел портрет Пушкина... Потрясенный, побледневший Бен не остановился и доиграл до конца. <...> Не смея разговаривать друг с другом, мы молча разошлись по своим комнатам»¹⁶.

«Гений места» накладывает на восприятие усадьбы дополнительные смыслы. Так, литературно-мемориальная усадьба воспринимается сквозь призму литературного контекста, мемуары об усадьбе такого типа часто наполнены цитатами, отсылками к творчеству «гения места». С.С. Гейченко в воспоминаниях воспринимается исключительно как пушкинский «домовой», которому Пушкин в одноименном стихотворении поручил Михайловское; Будылин, вспоминая реставрацию Тригорского, сопоставляет ее со страшным сном Татьяны и одновременно с отъездом Ла-

¹³ Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. М.: Красный пароход, 2018. С. 231.

¹⁴ Цит. по: Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 180.

¹⁵ Нагибин Ю.М. Не чужое ремесло. М.: Современник, 1983. С. 186.

¹⁶ Вишневецкая Г.П. Эхо поэта (Отрывок из книги воспоминаний) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 267.

риных в Москву: «хаос и сумятица оживляют онегинские строки. <...> Обоз обычный, три кибитки... / Везут домашние пожитки, / Кастрюльки, стулья, сундуки, / Варенье в банках, тюфяки <...>»¹⁷. К этим воспоминаниям по сюжету и восприятию музея-усадьбы близок фрагмент записок В.С. Гроссмана 1941 г. об эвакуации предметов из Ясной Поляны, которую он впервые ощутил как жилой и живой дом:

В доме предотъездная злая лихорадка. <...> В прихожей и в первой комнате нагромождены ящики, уже забытые, готовые к отправке. Я бывал в Ясной Поляне в тихие, мирные времена, когда все усилие работников музея были в том, чтобы создать ощущение, иллюзию жилого дома. <...> И все же то был не жилой дом, а музей. <...> И вот сейчас я почувствовал совсем по-иному, что это не музей, а живой дом, <...> что и он пустился в тяжелый путь <...> вместе со всей страной, со всем несчастным народом. Это горе, ворвавшееся в дом, сделало его сущим, живым, страждущим среди миллионов таких же сущих, живых, страждущих домов. И с поразительной силой я вдруг почувствовал — вот они, Лысье Горы, вот он выезжает, старый, больной князь, и все слилось в нечто совершенно единое, то, что было больше ста лет назад, и то, что идет сейчас, сегодня, и то, что описано в книге¹⁸.

Музей-усадьба предстает пространством одушевленной, одухотворенной материи, причем не только для посетителей, для которых музейная практика выработала особые приемы, учитывающие механизмы восприятия, но и для его обитателей. Экскурсовод по Муранову М. Львова вспоминала:

От портретов, украшавших стены залов, исходила какая-то мистическая сила, связывавшая нас с ними. Мы чувствовали себя хранителями их тайн и секретов, мы знали истории их создания и жизненные судьбы изображенных на них лиц. И каждый раз, открывая наш дом, проходя по пустым комнатам, мы проникались атмосферой времени и как бы становились незримыми свидетелями жизни ушедших поколений¹⁹.

Эту атмосферу в значительной степени обеспечивает предметный мир, описание и осмысление которого занимают большое место в воспоминаниях. Вещи предстают хранителями памяти о людях и событиях,

¹⁷ Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 192.

¹⁸ Гроссман В.С. Годы войны. М.: Правда, 1989. С. 286–287.

¹⁹ Львова М. Мое Мураново // Памятники Отечества: Мураново. № 58. С. 157.

«имеют свою судьбу, иногда совершенно невероятную»²⁰, «свою душу и свою историю»²¹, свой характер. Описывая переезд предметов в связи с реставрацией в Тригорском, Бudyлин вспоминал, как вещи, «прижившиеся» на своих местах, «притерпевшиеся к соседям», «топорщились», не хотели влезать в ящики, «угрожающе звенели» и т. п.)²². Ф.Д. Поленов, размышляя об игрушечном гномике в усадьбе, пишет, что у него «было много интересных знакомых и собеседников»²³.

Соприкосновение в пространстве музея с усадьбным миром преобразует людей, создает «высокий духовный настрой»²⁴. Многие мемуаристы писали об облагораживающем, терапевтическом влиянии музея-усадьбы на мысли и душу человека, готового к этому воздействию. В.Я. Курбатов вспоминал, что приезжал в Михайловское «починить сердце»²⁵, и здесь приходили к нему и свежие мысли, и стихи, и «дорогие пушкинские открытия»²⁶:

...подумал, пока шел в Тригорское, что, живи Толстой в этих пространствах, он не сузил бы мысль до переделки Евангелия. Ясная слишком замкнута, стеснена. <...> А Пушкин выглянул в окно — Россия. <...> Михайловское и Ясная — как воля и крепость. Как Эх! И Ох! Как песня и проза²⁷.

В связи с этим уместно привести эпизод из воспоминаний Н.В. Измайлова о возвращении в Ленинград с Пушкинского праздника 1924 г.:

...в обмене впечатлениями между пушкинистами выяснилось, на мой взгляд, едва ли не самое значительное следствие поездки в Заповедник: Борис Викторович Томашевский, до тех пор разделявший многие положения теории формалистов и главное из них — об имманентности художе-

---

²⁰ Гейченко С.С. У Лукоморья: рассказы хранителя Пушкинского заповедника. 5-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1986. С. 273.

²¹ Каштанова Е.Е. Поэт, моряк и воин... // Мат-лы конф. Российской музейной провинции «Золотая осень». Поленово: Изд-во гос. мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова, 2009. С. 148.

²² Бudyлин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 192.

²³ Поленов Ф.Д. Хранители родников. Тула: Поленово, 2004. С. 11.

²⁴ См.: Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 7.

²⁵ Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. С. 158.

²⁶ Там же. С. 270.

²⁷ Там же. С. 370.

ственного творчества и независимости его от биографических условий и обстоятельств, — под влиянием глубоких, волнующих впечатлений, полученных им в Святых горах, в Михайловском и Тригорском, пересматривал свои историко-литературные концепции и по-новому смотрел теперь на источники творчества Пушкина, на его эволюцию, на его живую и глубокую связь с окружающей жизнью, начиная с ее пейзажа²⁸.

Посещение пушкинских мест и открытие Пушкина с новой стороны, по мнению Измайлова, благотворно отразились на книге Томашевского «Пушкин. Историко-литературные проблемы» (1925) и книге самого Измайлова «Пушкин. Очерк жизни и творчества» (1924). Учитывая тяготение литературоведения того времени к культурно-историческому методу, следует увидеть здесь глубинное явление — осознание связи человека и места. О важности посещения «уголка Пушкина» для понимания поэта в сходном ключе писала М.А. Гаррис:

...только здесь, в глуши псковской деревни, впервые представляешь себе его живой человеческий образ, как-то убеждаешься в том, что он жил не только в своих созданиях, но жил, как и мы живем²⁹.

В советское время усадебное наследие оказалась в непростом положении. Оно было напоминанием о сословном неравенстве, которое, однако, могло быть интерпретировано в нужном ключе (например, музей в усадьбе Останкино получил название «Останкинский дворец-музей творчества крепостных»). Вместе с тем с ним были неразрывно связаны высшие достижения русской культуры, что требовало осмысления, апологии и правильной подачи. Например, в Карабихе «для целей осмотра, а также из идейных соображений (не мог поэт-гражданин, печальник народного горя жить в доме с кафельными печами!) были удалены или закрыты фанерой камин и печи, произведены некоторые перепланировки здания <...> скрыты элементы интерьера»³⁰. Усадьба в своей музейной модификации исполняла новые официальные роли: выступала местом встречи аристократии и народа, была «одним из символов послевоенного

---

²⁸ Измайлов Н.В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918–1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 97.

²⁹ Гаррис М.А. Уголок Пушкина // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 97.

³⁰ Полознев Д.Ф. Необходимые дополнения, или директорские комментарии к истории реставрации в музее Н.А. Некрасова «Карабиха» 1989–2000 гг. // Карабиха: историко-литературный сб. 2018. № 10. С. 385.

возрождения культуры страны»³¹ и т. п. Но одновременно она несла и важнейшие «подспудные» миссии, отмеченные в мемуарах: продолжала, несмотря на идеологические препоны, «ненавязчиво возвращать»³² к русской истории, знакомить с «усадебной культурой», «светом и тонкой красотой неведомого <...> быта»³³, напоминать о «естественном христианстве земли»³⁴, о высших духовных ценностях.

С опорой на исследования В.Г. Щукина, Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой, Ст. Ловелла, О.А. Богданова выделяет ряд конститутивных особенностей «усадебного топоса» XVIII – начала XX в.³⁵ За рядом исключений, обусловленных новыми историческими реалиями, эти особенности наследует и усадьба-музей как одна из модификаций «усадебного топоса» в XX в. Так, характерным свойством «усадебного топоса» является его устойчивость, фундаментальность, определенная статичность. В «музейно-усадебном топосе» сохранение материального и нематериального наследия также является приоритетным. Поддержание непрерывности культурной традиции зафиксировано в музейной мемуаристике разными сюжетами: это может быть посадка деревьев вместо погибших «исторических» в Пушкинском заповеднике («Ель-шатер», «Пушкинские сувенирь»³⁶) или соблюдение традиций, заложенных основателями усадьбы: в Муранове — чтение по вечерам вслух классики и игры в «литераторов»³⁷, в Поленове — каминные вечера, новогодние детские спектакли, театр, круглогодичное присутствие в комнатах цветов и даже «архаичное ударение поленовских экскурсоводов» в слове «библиотека», в котором выразились «достоверность и подлинность жилого, обитаемого дома, и память о его строителе и созидателе»³⁸.

В Пушкинском заповеднике Гейченко старался создать то же визуальное, звуковое, даже обонятельное пространство, что было в усадьбе и окрестностях при Пушкине. Для этого он «поставил себе целью вернуть

---

³¹ Бudyлин И.Т. Писатели России в Пушкинском заповеднике (музей у старой дороги) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 349.

³² Бudyлин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 11–12.

³³ Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. С. 141.

³⁴ Там же.

³⁵ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 73–75.

³⁶ См.: Гейченко С.С. У Лукоморья.

³⁷ Королева И.А. Заметки о К.В. Пигареве // Памятники Отечества: Мураново. № 58. С. 121.

³⁸ Поленов Ф.Д. Хранители родников. С. 47.

заповеднику и всю живность пушкинских дней»³⁹, сажал определенные растения (см. очерк «Цветы Михайловского»⁴⁰), добивался установки в Святогорском монастыре колоколов (причем колоколов местных). Звуки (в том числе их отсутствие — тишина) становятся «звуками-экспонатами». А соблюдение старых усадебных традиций не мешает появлению новых: так, Будылин, документируя высадку в 1980 г. молодого яблоневое сада в Михайловском на смену погибшему от морозов, отмечает традицию посадки «под музыку военного духового оркестра. (Классическая музыка в живом исполнении благотворно действует на приживаемость растений)»⁴¹.

Ориентиром и «мерой» такого рода деятельности служат метафизический «дух местности», «жилой дух»⁴², «ощущение уюта и душевного тепла — сохраненной в доме жизни»⁴³, в основе которого лежит кропотливая работа с документальными источниками, с посетителями. В.Д. Пришвина еще в 1977 г. в книге «Наш дом» размышляла о том, что мемориальные дома «должны становиться научными лабораториями, творческими центрами, где развивается мысль писателя, а не только местом показа комнат, фотографий и вещей»⁴⁴.

Таким образом, важной темой мемуаров становится «усадебный габитус» — «совокупность обладающих устойчивостью моделей восприятия и действия»⁴⁵, в том числе соответствие поведения и уклада духу местности. Курбатов, вспоминая Пушкинский заповедник времен Гейченко, пишет о творческой атмосфере, близкой по духу Пушкину; по его мнению, многое сделанное тогда «было по-пушкински верно и живо»⁴⁶, так как «директору нужна была не консервация, не восковая фигура невозвратного Михайловского, а живая усадьба с длящейся, естественно скрепляющей два времени жизнью»⁴⁷.

Аналогично продолжается «внутри усадебных декораций» Поленова замысленное его творцом, пусть и в новых формах:

---

³⁹ *Нагибин Ю.М.* Не чужое ремесло. С. 190.

⁴⁰ См.: *Гейченко С.С.* У Лукоморья.

⁴¹ *Будылин И.Т.* Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 112.

⁴² *Курбатов В.Я.* Пушкин на каждый день. С. 136.

⁴³ *Пришвина В.Д.* Наш дом. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 6.

⁴⁴ Там же. С. 305–306.

⁴⁵ *Богданова О.А.* Семиотика аллеи, «где кружат листья»: Тургенев, Гумилев, Бунин // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 2. С. 244.

⁴⁶ *Курбатов В.Я.* Пушкин на каждый день. С. 360.

⁴⁷ Там же. С. 292–293.

Элемент игры в жизни дома всегда был обязательным <...> в этом доме всегда было много молодежи, <...> и вот уже найдены новые формы общения: кружки, где делают все руками; театр. <...> Появились компьютеры — это та же игра⁴⁸.

К проявлениям «усадебного габитуса» можно отнести неформальное сообщество, возникшее в середине 1970-х гг. вокруг сотрудника Пушкинского заповедника М.Е. Васильева⁴⁹, чаепития в Поленове, «верандные беседы»⁵⁰ Гейченко, его стихи и письма, да и саму фигуру Гейченко — «напоминание о дрящемся в нас Пушкине и счастливое подтверждение неиссякаемости русской природы в рождении целостных земных, хранительных, духовно здоровых талантов»⁵¹. Здесь уместно говорить об «усадебном поведении» и «усадебном типе личности»⁵².

Следует, однако, отметить, что традиция может пониматься по-разному. В связи с этим музей становится «полем разлома общественных мнений в определении сценариев воспроизводства культуры»⁵³. Курбатов, переживая научную реставрацию Пушкинского заповедника, писал об авторах проекта:

Было легко согласиться с их утверждением, что заповедник — «место продолжения непрерывной культурной пушкинской традиции», но, очевидно, они считали эту «непрерывность» с какой-то другой точки, потому что «культурная традиция» и впрямь была сразу слышна и очевидна, но была уж очень непривычна и как-то нездешне хороша⁵⁴.

В музейной мемуаристике зафиксированы ожесточенные споры о сохранении «буквы» и «духа» усадьбы, «принципах “актуализации реальности”»⁵⁵, о «сопряжении академического знания с ожиданиями по-

---

⁴⁸ Грамолина Н.Н. Уроки Поленова // Памятники Отечества: Поленово. М.: НКО «Редакция альманаха “Памятники Отечества”». 2001. № 52. С. 5, 9.

⁴⁹ См.: Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 159.

⁵⁰ Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. С. 299.

⁵¹ Там же. С. 138.

⁵² Летагин Л.Н. Усадебный металандшафт России // Русская усадьба: сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2004. Вып. 10 (26). С. 13–14.

⁵³ Летагин Л.Н. Мемориальный музей: экзистенциальная оптика // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 2. С. 389.

⁵⁴ Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. С. 146.

⁵⁵ Летагин Л.Н. Мемориальный музей: экзистенциальная оптика // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 2. С. 397.

сетителя»⁵⁶ и т. п. Наиболее ярким примером и знаковым объектом этого спора был «авторский заповедник»⁵⁷ Гейченко.

Если на рубеже XIX–XX вв. устанавливались два главных модуля «усадебного топоса» — элегический и идиллический⁵⁸, то относительно модификации усадьбы-музея в XX в. можно говорить о сосуществовании в ее структуре разных элементов при превалировании идиллического, вытесняющего негативную рецепцию на периферию. Появление негативной рецепции музеефицированного усадебного пространства в текстах продиктовано, как правило, несоответствием мыслимого идеала и его воплощения, индивидуально воспринятого. В текстах конца XX в. рецепция часто испытывает на себе влияние повести С.Д. Довлатова «Заповедник» (1983). Данная тема требует дальнейшей разработки — в частности, прояснения вопросов связи негативной рецепции с личностью и позицией наблюдателя («извне» или «изнутри»), зависимости ее проявления от формы существования текстов: напечатанных или опубликованных в Интернет-формате (например, воспоминания о Хмелите С.Н. Разгонова⁵⁹ и Т.Н. Зибуновой⁶⁰), дневниковых записей или художественной прозы (например, работы Ю.М. Нагибина о Пушкинском заповеднике) и проч.

Музеефицированное пространство усадьбы в мемуарах постоянно также с точки зрения его обитателей. Они заселяют это пространство всерьез и надолго, воспринимают его как дом, что также можно расценить как проявление «усадебного габитуса». Не случайно воспоминания научного сотрудника Карабихи И.К. Соколовой, проработавшей в музее почти полвека, называются «Это был не музей, это был дом...»⁶¹ М. Львова вспоминала, что сотрудники Муранова «никогда не называли мурановский дом музеем — это был наш Дом. <...> Все, что хранилось в доме, было нам бесконечно дорого»⁶².

⁵⁶ Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 11.

⁵⁷ Курбатов В.Я. Пушкин на каждый день. С. 135.

⁵⁸ См.: Разумовская А.Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 18–19.

⁵⁹ Разгонов С.Н. Дым Отечества. Вечера на хуторе близ Хмелиты. М.: Инкомбук, 2004. 256 с.

⁶⁰ Зибунова Т.Н. Заповедник-2, или Хмелитские дневники. URL: <https://zibunova.pagod.ru/zibmnew1.htm> (дата обращения: 23.08.2023)

⁶¹ См.: Оторочкина А.Е. «Это был не музей, это был дом...»: Карабиха 1960–1980-х годов в воспоминаниях Ирины Константиновны Соколовой (1940–2021) // Карабихские научные чтения. После юбилея: новые перспективы изучения Н.А. Некрасова и его эпохи: мат.-лы научн.-практич. конф. Ярославль: ООО «Академия 76», 2022. С. 212.

⁶² Львова М. Мое Мураново // Памятники Отечества: Мураново. № 58. С. 157.

В мемуарах воспроизводятся разные сюжеты «посвящения», вводя в это пространство: Будылин вспоминает беседы Гейченко с новыми сотрудниками заповедника; Ф.Д. Поленов — ночную экскурсию для нового охранника. Он же подчеркивает, что «многие десятки и сотни людей в разное время были приобщены к делам и жизни музея Поленова <...> многие не прошли испытание поленовскими традициями»⁶³. Усадебное пространство отталкивает «чужаков». Но те, кто прошли, становятся настоящими «хранителями»; образ хранителя (С.С. Гейченко, Ф.Д. Поленова, В.Д. Пришвиной, А.Л. Толстой, С.А. Толстой-Есениной, В.Ф. Булгакова, К.В. Пигарева и др.) красной нитью проходит через музейную мемуаристику и представляет собой перспективную тему для исследования. Смена или уход директоров и хранителей бывают трагичными: «Смена караулов» в усадьбах <...> почти то же, что и смена великих владельцев»⁶⁴, — справедливо отмечал литературовед Л.Н. Большаков. Однако в широком смысле хранителями выступает каждый житель этого пространства⁶⁵.

Как и в традиционной усадьбе, обитатели музейного извода «усадебного топоса» составляют социокультурное единство⁶⁶, зачастую генетически родственное месту. Гейченко вспоминает смотрительницу Пушкинского заповедника А.Ф. Федорову — «плоть от плоти Псковской земли»⁶⁷, Нагибин — «гостевание у сторожа, потомка Ганнибала с пушкинской курчавостью в седых волосах, пушкинскими скулами и всем кроме лица», у ног которого сновала собачонка «с пушкинскими баками»⁶⁸. Нагибин в «Хранителе Лукоморья» назвал «окрестных людей» «пушкинистами милостью Божьей»: «Не побывав в Святых горах, невозможно вообразить, насколько пропитано Пушкиным бытие тамошних людей, их повседневное самочувствие, их память»⁶⁹. Физик Ю.Д. Прокошкин в дневнике (от 3 сентября 1951 г.) отметил, как в Ясной Поляне во время

---

⁶³ Поленов Ф.Д. Хранители родников. С. 216.

⁶⁴ Большаков Л.Н. «Сегодня снова был в “Урале”». Из дневниковых записей // Урал. 2013. № 8. С. 203.

⁶⁵ См.: Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 168.; ср. в очерке Гейченко «Народная память о Пушкине»: «Сегодня каждый житель пушкинского Святогорья — верный хранитель святой пушкинской земли» (Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 154).

⁶⁶ См.: Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. С. 74.

⁶⁷ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 218.

⁶⁸ Нагибин Ю.М. Дневник: в 2 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2021. Т. 1. С. 351.

⁶⁹ Нагибин Ю.М. Не чужое ремесло. С. 190.

студенческого похода «ночевали у потомков крепостных. Хорошо приняли. Бабка видела и жила у Л. Толстого. Рассказывала»⁷⁰.

Идеал поместной жизни —

дом как большая патриархальная семья, объединяющая кровных родственников и домочадцев <...>, преемственность поколений, укорененность в историческом прошлом и нацеленность на возделывание наследственной земли⁷¹ —

в целом свойствен и музею-усадьбе, представленному в мемуаристике. Здесь внимательно, «боясь оборвать тянущуюся из прошлого нить», записывались сотрудниками рассказы проживавших в дальних деревнях «древних старух и стариков, когда-то служивших у местных помещиков и помнивших старинные усадьбы»⁷². В рамках музеефицированного пространства нередки семейные династии, трудившиеся в усадьбах до революции и после организации в них музеев⁷³. Хранителей, всю жизнь посвятивших службе в усадьбе, и хоронят тут же, рядом с «кормильцами». Апогеем может служить семейственность музея-усадьбы в прямом смысле этого слова (Поленова, Ясной Поляны, Муранова и др.). С.Н. и И.Н. Чернышевы, племянники Ф.Д. Поленова, вспоминают, как

в семье Поленовых, составлявших основу маленького музейного коллектива и растрившей славу отца-художника, были распределены обязанности. Дмитрий Васильевич был директором, хозяином, старшим в семейном совете. Екатерина Васильевна — историком семьи, архивистом; Ольга Васильевна и Наталья Васильевна — хранителями театральных традиций и традиции работы с крестьянами окрестных сел. У Анны Павловны была своя стезя. Она брала на себя прием многочисленных гостей⁷⁴.

---

⁷⁰ Прокошкин Ю.Д. Дневник // Центр «Прожито» ЕУСПб. URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B8878%5D&diaryTypes=%5B1%2C2%5D&offset=50> (дата обращения: 28.08.2023)

⁷¹ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. С. 75.

⁷² Будылин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 161.

⁷³ См.: Гончарова Т.П., Жигарева А.В. О наших коллегах // Памятники Отечества: Мураново. № 58. С. 122–128.

⁷⁴ Чернышев С.Н., Чернышев И.Н. Федор Дмитриевич в Поленове в сороковые годы. Поленово: Изд-во Гос. мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова, 2009. С. 151.

«Управляющие» музейного извода «усадебного топоса», как и в традиционной усадьбе, «заняты управленческим, сельскохозяйственным или культурно-просветительным трудом»⁷⁵, создавая (вернее, воспроизводя) культурный ландшафт, в котором природа, история, культура равно ценны, формируя преобразованное любовным вниманием пространство⁷⁶.

Как для музейного, так и для традиционного усадебного пространства важен исторический контекст, наличие у данного места истории, «бесценного груза воспоминаний»⁷⁷. В пространстве усадьбы особенно ценятся «живые свидетели»⁷⁸: люди (например, «дед Проха» у Гейченко, помнивший Г.А. Пушкина⁷⁹), деревья (ель-шатер в Тригорском, «дерево бедных» в Ясной Поляне, дуб в Спасском-Лутовинове и др.), вещи и проч. Так, судьбу дома в Поленове Ф.Д. Поленов в очерке «Золотые бревна» прослеживает от зарождения столетней ели, легкой в основание сруба. Преэминентность может существовать не только в рамках одной усадьбы, но и связывать разные между собой. Характерен повторяющийся сюжет о посадке деревьев в усадьбе: Гейченко в очерке «Ель-шатер» вспоминает, что разослал немало шишек-семянников от этой ели «по городам и весям, по адресам людей, желавших отвести у себя на родине племени знаменитой пушкинской ели»⁸⁰; в саду Пришивных в Дунине «два молодых дубка выращены <...> из желудей, привезенных из Михайловского от Л.С. Пушкина, третий, постарше, — из яснополянского желудя от Л.Н. Толстого»⁸¹. Ф.Д. Поленов в очерке «Присяга красоте» вспоминает, как в аллеях царскосельского парка на глазах удивленных туристов собирал желуди, чтобы из «потомков пушкинских дубов» «высадить аллею “пушкинских” дубов на усадебной земле поленовского парка»⁸². «Усадебное» дерево «связует не только древесные поколения»⁸³, но и человеческие поколения, усадьбы между собой. (Добавим, что и многие музеи-усадьбы находятся друг с другом в «родстве»). Дочь А.Д. Самарина и В.С. Самариной (Мамонтовой)

---

⁷⁵ Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. С. 74.

⁷⁶ См.: Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 219.; Бudyлин И.Т. Пушкинский заповедник: музей и жизнь. С. 211.

⁷⁷ Поленов Ф.Д. Хранители родников. С. 9.

⁷⁸ Там же. С. 82.

⁷⁹ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 167.

⁸⁰ Там же. С. 180.

⁸¹ Пришивина В.Д. Наш дом. С. 145.

⁸² Поленов Ф.Д. Хранители родников. С. 16.

⁸³ Там же. С. 16.

Е.А. Самарина-Чернышева вспоминала, как в трудное послевоенное время ее тетя Александра Саввишна Мамонтова,

уже больная и старая, не имея определенного места жительства, была приглашена семьей Поленовых жить и работать в музее. А вместе с тетусшкой <...> приехала и я с двумя малолетними сыновьями. Наш приезд представляется мне весьма значительным и даже символичным. Когда-то Мамонтовы покровительствовали художникам. Прошли десятки лет с тех пор. Времена изменились. И следующее поколение — дети В.М. Васнецова и В.Д. Поленова приняли под свой кров и поддержали в тяжелые годы последних из семьи Мамонтовых. <...> А мне, представляющей уже следующее поколение, выпало на долю 25 лет быть хранителем музея и сердечно воспринять то, что роднит Абрамцево с Поленовом⁸⁴.

Бывавшая в Поленове еще в детстве, она затем стала здесь сотрудником; «выросши в абрамцевском доме, перенесла эту любовь на Поленово»⁸⁵.

Приложим к топосу музея-усадьбы и усадебный принцип «вертограда заключенного», т. е. замкнутости, автономности пространства, отдаленного от несовершенного мира⁸⁶. Более того, иногда общественная территория (железнодорожная станция, ресторан и проч.) оказывается чужеродной, противопоставленной этому пространству, которое в усадебном нон-фикшн решено, как правило, в идиллическом / элегическом ключе. Оттого так заметны несоответствия, отклонения от мыслимого эталона. Тексты о нарушении заповедности пространства: военными действиями, несоблюдением правил поведения («проблема затаптывания, засматривания, проблема снятия этакого лирического каше»⁸⁷), даже реставрацией — всегда наполнены публицистическим пафосом. Музейно-усадебному топосу, напротив, созвучна «оторванность от мира»⁸⁸, заповедность.

---

⁸⁴ Самарина-Чернышева Е.А. Сорок лет в усадьбе // Памятники Отечества: Поленово. 2001. № 52. С. 126.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Дмитриева Е.Е., Кушцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. С. 150–161.

⁸⁷ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 402. См. также Глушкова Т.М. Берегите Пушкина! // Святы горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 288–303.

⁸⁸ Гаррис М.А. Уголок Пушкина // Святы горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. С. 74.

Несмотря на то что корпус текстов по данной теме далеко не исчерпан, можно подвести определенные итоги. Музефицированная усадьба предстает в воспоминаниях особым пространством, имеющим много общего с классическим «усадебным топосом» русской словесности XVIII – начала XX в.: это в целом патриархальная, иерархичная, замкнутая структура, в рамках которой люди объединены особой системой ценностей и определенными моделями поведения. Музей-усадьба в мемуаристике осмыслен как «место продолжения непрерывной культурной традиции»⁸⁹.

Список литературы

Исследования

- 1 *Богданова О.А.* Семиотика аллеи, «где кружат листья»: Тургенев, Гумилев, Бунин // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 2. С. 233–254.
- 2 *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI в.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- 3 *Дмитриева Е.Е., Кушцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- 4 *Летягин Л.Н.* Мемориальный музей: экзистенциальная оптика // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 2. С. 389–409.
- 5 *Летягин Л.Н.* Усадебный металандшафт России // Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 10 (26). М.: Жираф, 2004. С. 9–18.
- 6 *Оторочкина А.Е.* «Это был не музей, это был дом...»: Карабиха 1960–1980-х годов в воспоминаниях Ирины Константиновны Соколовой (1940–2021) // Карабихские научные чтения. После юбилея: новые перспективы изучения Н.А. Некрасова и его эпохи: мат-лы научн.-практич. конф. Ярославль: ООО «Академия 76», 2022. С. 212–225.
- 7 *Разумовская А.Г.* Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2010. 34 с.

Источники

- 8 *Большаков Л.Н.* «Сегодня снова был в “Урале”». Из дневниковых записей // Урал. 2013. № 8. С. 198–206.
- 9 *Будылин И.Т.* Как рождается пушкинский музей (Из опыта воссоздания музея в Тригорском) // Святые горы. Пушкинский край

⁸⁹ *Курбатов В.Я.* Пушкин на каждый день. С. 146.

- в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 317–336.
- 10 *Будылин И.Т.* Писатели России в Пушкинском заповеднике (Музей у старой дороги) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 348–358.
- 11 *Будылин И.Т.* Пушкинский заповедник: музей и жизнь. М.: Профиздат, 2009. 320 с.
- 12 *Вишневская Г.П.* Эхо поэта (Отрывок из книги воспоминаний) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 266–267.
- 13 *Гаррис М.А.* Уголок Пушкина. // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 64–106.
- 14 *Гейченко С.С.* У Лукоморья: рассказы хранителя Пушкинского заповедника. 5-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1986. 494 с.
- 15 *Глушкова Т.М.* Берегите Пушкина! // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 288–303.
- 16 *Гончарова Т.П., Жигарева А.В.* О наших коллегах // Памятники Отечества: Мураново. 2003. № 58. С. 122–128.
- 17 *Грамолина Н.Н.* Уроки Поленова // Памятники Отечества: Поленово. 2001. № 52. С. 2–12.
- 18 *Гроссман В.С.* Годы войны. М.: Правда, 1989. 464 с.
- 19 *Зибунова Т.Н.* Заповедник-2, или Хмелитские дневники. URL: <https://zibunova.narod.ru/zibmnew1.htm> (дата обращения: 23.08.2023)
- 20 *Измайлов Н.В.* Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918–1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 89–106.
- 21 *Казаков Ю.П.* Ф. Поленов и его рассказы // *Поленов Ф.Д.* Долина Любосны. Рассказы о поленовских местах. Тула: Приокское книжное изд-во, 1968. С. 3–8.
- 22 *Кашитанова Е.Е.* Поэт, моряк и воин... // Мат-лы конф. Российской музейной провинции «Золотая осень». Поленово: Изд-во гос. мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова, 2009. С. 145–148.
- 23 *Королева И.А.* Заметки о К.В. Пигареве // Памятники Отечества: Мураново. 2003. № 58. С. 121.
- 24 *Курбатов В.Я.* Пушкин на каждый день. М.: Красный пароход, 2018. 400 с.
- 25 *Львова М.* Мое Мураново // Памятники Отечества: Мураново. 2003. № 58. С. 155–157.

- 26 *Нагибин Ю.М.* Дневник: в 2 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2021. Т. 1. 448 с.
- 27 *Нагибин Ю.М.* Не чужое ремесло. М.: Современник, 1983. 350 с.
- 28 *Пигарев Н.В.* Дом и музей // Памятники Отечества. 2003. № 58. С. 130–139.
- 29 *Поленов Ф.Д.* Хранители родников. Тула: Поленово, 2004. 360 с.
- 30 *Полознев Д.Ф.* Необходимые дополнения, или директорские комментарии к истории реставрации в музее Н.А. Некрасова «Карабиха» 1989–2000 гг. // Карабиха: историко-литературный сб. 2018. № 10. С. 372–389.
- 31 *Пришвина В.Д.* Наш дом. М.: Молодая гвардия, 1977. 334 с.
- 32 *Прокошкин Ю.Д.* Дневник // Центр «Прожито» ЕУСПб. URL <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B8878%5D&diaryTypes=%5B1%2C2%5D&offset=50> (дата обращения: 28.08.2023)
- 33 *Разгонов С.Н.* Дым Отечества. Вечера на хуторе близ Хмелиты. М.: Инкомбук, 2004. 256 с.
- 34 *Самарина-Чернышева Е.А.* Сорок лет в усадьбе // Памятники Отечества: Поленово. 2001. № 52. С. 126–133.
- 35 *Свирин А.Н.* Люди, вещи, природа. Мои воспоминания // Памятники Отечества: Мураново. 2003. № 58. С. 147–154.
- 36 *Тимофеева-Починковская В.В.* Среди памятников былых вдохновенных (Письмо из Михайловского) // Святые горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2010. С. 117–121.
- 37 *Чернышев С.Н., Чернышев И.Н.* Федор Дмитриевич в Поленове в сороковые годы // Мат-лы конф. Российской музейной провинции «Золотая осень». Поленово: Изд-во гос. мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова, 2009. С. 149–154.
- 38 *Якович Е.Л.* Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович. Полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 219 с.